

Е.Ю. Сафатова

Кемеровский государственный университет

**Молитвенный дискурс в контексте
«Путешествия по святым местам в 1830 году» А.Н. Муравьева**

В истории русской литературы XIX век отмечен особой атмосферой духовного поиска. Движение пера стало для многих творцов этого времени паломническим восхождением к Божественной истине. Не удивительно поэтому, что как раз к началу девятнадцатого столетия возрастает интерес к описаниям странствий в Святую землю. Особое место в этом контексте занимает «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» А.Н. Муравьева, положившее начало духовному периоду творчества писателя¹. Связь этого произведения с религиозной традицией предопределила наличие в нем большого количества реминисценций из Священного писания и творений Отцов Церкви. Сакрально значимые тексты призваны были обратить внимание на особую миссию «путешествия ко Святым местам»: дорога к Богу через духовное становление в ходе паломнического пути. Важное место среди духовных реминисценций занимают молитвы. Неоднократно «путешественник» обращается к цитированию молитвенных текстов, услышанных им от священнослужителей или включенных в цитируемую им патристику. Но наиболее значимыми, на наш взгляд, являются те молитвы, которые исходят из уст самого «путешественника ко Святым местам», поскольку в них наиболее ярко отразилась его духовная эволюция.

Определение молитвенного события, помещенного в контекст «путешествия ко Святым местам», с позиции дискурса, дает возможность проследить, какое место занимает богообщение в религиозно-обрядовой структуре паломнического пути [определение понятия молитвенного дискурса см.: Афанасьева, 2000, с. 13-20]. Воспринятая в этом аспекте молитва героя отражает процесс его духовного восхождения: путь паломника соотносится в произведении с молитвенным подвигом.

Впервые молитвенный голос «путешественника» звучит в главе «Крестный путь». Созерцание Гроба Господня вызывает у повествующего героя слезы умиления и благодарности, которые становятся для повествующего героя выражением томления души, ищущей Божественного откровения. Успокоение «путешественник ко Святым местам» обретает в вечернем гимне, звучащем над Гробом Господним: «Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣша очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ людей, свѣтъ во откровеніе языковъ и славу людей твоихъ Израиля» [Муравьев, 1833, ч. 1, с. 246]. Согласно библейскому сказанию, эти слова были произнесены праведником Симеоном, которому было предречено Святым Духом не умирать, пока он не увидит Спасителя (Лк. 2, 29-32).

¹ Впервые опубликованная в 1832 году, эта книга за последующие 16 лет была переиздана четыре раза.

В полном смысле, «Ныне отпускаеши...» молитвой не является¹. Согласно традиции жанрового определения религиозно-обрядовых текстов, слова Симеона можно обозначить как «песнь» или «стихиру» [Библейская энциклопедия, 1991, с. 148]. Дело в том, что в этом тексте отсутствует обязательный компонент православного молитвословия, выражающий просьбу молящегося. Но, несмотря на неполное соответствие «Ныне отпускаеши...» традиционной форме молитвенного обращения к Богу, сакральные смыслы, заключенные в рассматриваемом тексте, отсылают нас к основам христианского молитвословия. При отсутствии просительной части молитвы, наличествует сама идея прощения – она как бы вынесена за пределы текста и спроецирована на судьбу Симеона Богоприимца. Кроме того, просительная семантика содержится в уничижительной позиции субъекта молитвы – «раб Божий», характерной для молитвенного дискурса.

Для «путешественника» приобщение к одной из величайших святынь христианства становится, подобно Симеону, моментом долгожданной, обещанной ранее, встречи с Богом. Молитвенный текст, произнесенный при этом, позволяет расширить границы мировидения героя. Идея духовного прозрения Божественного пути, заключенная в словах: «яко видѣша очи мои спасеніе твое» проецируется на паломнический сюжет «Путешествия...», актуализируя новую позицию «путешественника». «Путешествие ко Святым местам» начинает осознаваться повествующим героем с позиции постижения Божественной истины через личное восприятие Библейской истории. Здесь проступает мотив провидения, сопричастности, позволяющий определить поклонение Святой земле как индивидуальное прочтение Священного писания.

В богослужебной практике и в настоящее время, и в начале XIX века гимном праведного Симеона завершалась вечерня [Гоголь, 1990, с. 119]. В то же время, сама по себе вечерня открывает суточный богослужебный цикл, оказываясь, тем самым, начальным этапом суточного круга. Ритуальное значение вечерни связано с идеей искушения, испытания духовной твердости и веры, а также очищением через молитву о прощении грехов, совершенных за день. В связи с этим, пороговое значение молитвы Симеона, подчеркнутое ее пограничным положением в литургии, в произведении Муравьева приобретает особый смысл. Завершая подготовительный этап «путешествия ко Святым местам», соотнесенный с очистительными ритуалами, эта молитва открывает перед повествующим героем путь к пасхальным торжествам, становящимся «утром» его духовной жизни в новом статусе посвященного.

Согласно замечаниям протоирея А. Меня, рассматриваемый молитвенный текст символичен тем, что, будучи одним из песнопений первохристианской церкви, «Ныне отпускаеши...» является «как бы итогом ветхозаветной истории спасения и благодарственная Хвала грядущему Господу» [Мень, 1991, с. 28]. Для «путешественника ко Святым местам» специфика сакральных смыслов, заключенных в соотношении двух Заветов имеет важное значение. Учение о Боге и грядущей жизни, заложенное в Ветхом завете, и библейская легенда о Спасителе, аналитически осмысляются «путешественником», в чем проявляется двойственная природа его сознания. Повествующего героя интересует воплощение в жизни Христа древнебиблейских пророчеств. Это проецируется в сознании «путешественника» на возможность спасения его собственной души на фоне соборной идеи христианства. Слова Симеона, имя которого в переводе с древнееврейского означает «услышанный» [Христианство, 1995, с. 563], сближаются в произведении Муравьева с молитвенным словом, в основе которого – вера в то, что просьба молящегося будет услышана и исполнена. Поэтому включение молитвы Симеона в контекст «путешествия ко Святым местам» наделяется глубоким религиозным смыслом.

¹ У Муравьева этот текст называется именно молитвой [Муравьев, 1833, ч. 1, с. 246].

В главе «Гефсимания» вновь звучит молитвенный голос «путешественника ко Святым местам». В состоянии высочайшего духовного подъема «путешественник» говорит: «и въ трепете повергаясь ниць на тотъ самый прахъ, гдѣ повергался Богъ, гдѣ душа его была прискорбна даже до смерти, пораженные дивнымъ таинствомъ его страданий, мы вмѣстѣ съ нимъ восклицаемъ: «да будетъ воля Твоя!» [Муравьев, 1833, ч. 1, с. 237]. В этом молитвенном прозрении реализуется та гармония единения с Богом, к которой и стремится повествующий герой, отправляясь в Палестину. Приобщение к «таинству страдания» становится для «путешественника ко Святым местам» возможностью слияния со словом Христовым в обращении к Отцу Небесному. В этом проявляется высшее устремление молитвенного голоса героя.

В Новом Завете слова «Да будет воля Твоя!» появляются в двух случаях, и в каждом из них они исходят из уст самого Христа – впервые во время Нагорной проповеди (Молитва Господня) (Мф. 6, 9-13), а затем в контексте событий, происходивших в Гефсиманском саду (Мф. 26, 42). К молитве «Отче наш...» «путешественник» вновь обращается в главе «Гора Элеонская». И в этот момент сакральное слово Молитвы Господней открывает в повествующем герое провиденциальные способности. Взойдя на Элеонскую гору – «дивное поприще молитвы и спасения» [Муравьев, ч. 2, с. 89], – «путешественник ко Святым местам» прозревает в вечернем Иерусалиме сразу три его эпохи – ветхозаветную, новозаветную и современную: «Какъ новый завѣтъ близъ совершившагося ветхаго, какъ горній Иерусалимъ, обѣщанный въ замѣнъ земнаго, – такъ возстаеъ гора Элеонская близъ роковаго града, исполненная благодати искупленія, въ то время когда надъ нимъ тяготѣють осужденія ветхозавѣтныя!» [Там же, с. 90]. И именно здесь, символически возвысившись в своей духовности над грехопадением человечества, «путешественник ко Святым местам» обращается к Молитве Господней.

Согласно библейской легенде, Элеонская гора является местом, «где научил нас молиться Господь» [Там же, с. 89], где, «прежде нежели возсѣсть на тронъ, съ котораго принимаетъ ихъ молитвы, облегчилъ онъ безсильные порывы смертнаго къ Богу, внушивъ рѣчи доступныя своему челоуѣколюбію, какъ отголосокъ собственныхъ къ Отцу молитвъ» [Там же, с. 88]. Сакральный смысл, которым наполнено это пространство, приводит к возникновению в душе «путешественника» параллелизма трех молитвенных актов. Герой «слышит» молитвенный голос первоапостолов, вопрошающих: «Господи, научи насъ молиться», голос Христа, обращенный к Богу-Отцу: «Отче нашъ, да святится имя твое», и приобщает к ним свой голос: «Господи! воскликнемъ и мы, научи насъ быть достойными столь божественной молитвы и довольствоваться краткою полнотою ея прошеній» [Там же, с. 89]. В этот момент «путешественник» ощущает себя новым звеном многовековой цепи богочеловеческих взаимоотношений. В молитвенном «мы» происходит приобщение не просто к соборному слову всех христиан, но и – что очень важно – определение себя в ряду верующих. В данном случае для героя акт молитвы становится обращением ко всему христианскому миру и к Богу через своеобразный молитвенный диалог с Христом и его первыми учениками. В этом духовном соединении с Богом, герой Муравьева открывает *себя* христианскому миру. Религиозное смирение сочетается здесь с желанием заявить о себе, в чем проявляется двойственная природа самосознания «путешественника ко Святым местам».

Финальные слова произведения Муравьева, ставящие точку «путешествию ко Святым местам», также представляют собой молитвенный текст. Повествующий герой слышит пение католического гимна «Ave Maria» и, поддавшись порыву

ву души, присоединяет к нему «молитвенный голос свой» [Там же, с. 215]. Находясь в состоянии духовного подъема и просветления, он обращается к Божьей Матери в молитве: «Взбранной Воеводѣ побѣдительная, яко избавльшися отъ злыхъ, благодарственная восписуемъ ти раби твои, Богородице: но яко имущая державу непобедимую, отъ всякихъ насъ бѣдъ свободы, да зовемъ ти: радуйся Невѣсто не-невѣстная!» [Там же, с. 215]. Эта богородичная молитва входит в древнейший акафист Пресвятой Богородицы. Для «путешественника ко Святым местам» обращение в финале своего пути к образу Божьей Матери не случайно. Православная идея паломничества, лежащая в основе произведения Муравьева, созвучна с богородичным мироощущением, в котором сочетается интимность почитания Матери с величием и масштабностью ожидания Суда Божьего.

Святая церковь называет Богоматерь «лестницею духовною, рожденную от земли и соединившую землю с небом» [Истолкование, 1990, с. 8]. Эта идея особенно близка паломнической традиции, ориентированной на поиск духовной вертикали. В контексте «Путешествия ко Святым местам...» совмещение пространственного перемещения и движения души повествующего героя, несомненно, занимает центральную позицию. Именно молитвенное обращение к Божьей Матери открывает для героя новые горизонты обожения души и надежду на прощение.

Но молитвенное обращение «путешественника» к Божьей Матери видится нам не только как проявление «богородичных» мотивов в произведении. Важное значение имеет для муравьевского поклонника Святым местам образ Родины-матери, в народной православной традиции соотносимый с культом Богородицы. Почитание Христа и христианских святых – и, в первую очередь, Богоматери – духовно обогащается для «путешественника» постижением сакральной значимости родной земли. Возвращаясь домой, повествующий герой осознает себя «между двумя священными гранями» – Родиной и Палестиной, – почитание которых воплощается в финальной молитве. Восславление Богородицы становится для «путешественника» воплощением благодарности за дарованное ему счастье приобщиться к Святым местам, за благополучное преодоление долгого пути по морю, и за возможность поклониться словно заново обретенному отечеству – Святой Руси¹.

Во время постепенного духовного становления повествующего героя в ходе «путешествия ко Святым местам» особое значение приобретают молитвенные тексты, произносимые им в переломные моменты сюжета. «Нынѣ отпускаеши раба твоего...», «Отче наш...» и «Взбранной Воеводѣ побѣдительная...» образуют в произведении молитвенный триптих. Каждый раз, когда звучит молитвенный голос героя, для него открывается новый горизонт духовного совершенствования через приобщение к сакральному слову. На наш взгляд, в «Путешествии ко Святым местам...» возникает новая для русской духовной литературы ситуация слияния голоса повествующего героя с православными основами молитвословия. Происходит расширение личностных границ, в результате чего «путешественник ко Святым местам» оказывается сопричастным Божественной истине, к чему он и стремится, придя на поклонение Святым местам. Интересна в этом аспекте эволюция духовной мысли героя: первую молитву он обращает ко Христу, вторую к Отцу Небесному, а последнюю, завершающую «Путешествие ко Святым местам...», молитвенную песнь посвящает Матери Божьей. В этом движении можно проследить внутреннюю динамику духовных исканий «путешественника ко Святым местам»: от стремления поклониться Гробу Господнему к осознанию глу-

¹ Возвратившись из Палестины, А.Н. Муравьев посетил святыни России. Впечатления от посещения русских монастырей и храмов легли в основу его книги «Путешествие по Святым местам русским».

бочайшей сакральной значимости родной земли.

Литература

Афанасьева Э.М. «Молитва» в русской лирике XIX века // Русская стихотворная «молитва» XIX века. Антология. Томск, 2000.

Библейская энциклопедия: В 2-х кн. М., 1991. Кн. 2.

Гоголь Н.В. Размышления о Божественной литургии. М., 1990 (репринт 1894).

Истолкованіе Молитвы Господней словами святыхъ отцевъ. СПб., 1992 (репринтное издание по книге «Святоотеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи или вниманіи в сердцѣ къ Богу и истолкованіе молитвы Господней словами Святыхъ Отцевъ / Сост. Святителемъ Феофаномъ Затворникомъ». М., 1881).

Мень А. Православное богослужение. Таинство, слово и образ. М., 1991.

Муравьев А.Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Изд. 2. СПб., 1833. Ч. 1-2.

Христианство. Энциклопедический словарь: В 3-х тт. М., 1995. Т. 2.